

ukrajinského) ze strany druhé. Průkazně je tak předestřen obraz formování ruštiny jako dvouvrstevného spisovného jazyka s církevněslovanským dědictvím jako „materiálovou zásobárnou“.

Tento vývoj sleduje strukturální přestavby v modelu kultury a autor se při jeho popisu (stejně jako na mnoha dalších místech práce) snaží důsledně aplikovat princip opozic. Jako rozhodující etapy autor vyděluje Lomonosovovu kodifikaci „tří stylů“, Karamzinovu „funkční“ reformu a emancipaci básnického jazyka v Puškinově tvorbě. V závěru je stručně pojednáno o jazykové situaci v období „sovětského“ vývoje ruské společnosti.

V závěru kapitoly autor resumuje cestu, kterou pozorný čtenář prošel (*K celkové charakteristice spisovné ruštiny*, s. 395–402), a celkový obraz vývoje a novodobého stavu ruštiny dokresluje rámcovým pojednáním o její slovní zásobě.

Práci doplňují pečlivě zpracované materiálové přílohy: přehled staroruských a staroslověnských jmenných a slovesných paradigmat, fotoreprodukce vybraných písemných památek, ukázky spektrogramů některých ruských hlásek a přehledně tematicky členěná výběrová bibliografie. Volnou součástí příloh jsou také dvě dnes již klasické dialektologické mapy.

Pro lepší počáteční orientaci v netriviálních teoretických výkladech je u této knihy zvlášť důležité nepodlehnout pokušení ignorovat její úvodní části, a to jak zasvěcenou předmluvu vědecké editorky Zdeny Skoumalové, tak především dva původní úvody samotného autora (první se vztahuje k rukopisu původní nevydané kolektivní monografie), které mj. obsahují i pokyny, jak při čtení knihy postupovat, aby z ní měl čtenář co nejlepší užitek.

S vnímáním výkladu je na počátku spojeno určité nepohodlí, které vzniklo mj. v důsledku naléhání původního nakladatele na výraznou redukci textu: autor nakonec volil systém vysoce frekventovaných zkratk a poměrně sevřenou stylizaci s četnými kondenzovanými útvary, vsuvkami a závorkami. Nejen z tohoto důvodu kniha není snadným čtením. Za trpělivost a soustředěnou pozornost však odmění každého, kdo se při studiu ruštiny nechce spokojit jen s běžnými, často převážně deskriptivně a synchronně pojatými učebními texty.

Po přečtení knihy může zasvěcený čtenář jen litovat toho, že původní takřka encyklopedický záměr projektu, který sliboval v naší odborné literatuře první soustavné zpracování ruštiny v celé její šíři, zůstal neuskutečněn. Citelná je zejména lakuna týkající se syntaxe současné ruštiny. Na této pasáži léta usilovně pracoval Leškův brněnský kolega a znamenitý syntaktik Roman Mrázek, jemuž v samostatném vydání jeho části práce v r. 1989 rovněž zabránila smrt. Tento fakt ovšem nijak nesnižuje hodnotu recenzovaného díla. Naopak, Leška se své části grandiózního úkolu zhostil více než se ctí, a to takovým způsobem, že se mu do značné míry dokonce podařilo negativní dopady nepřívětivého administrativního rozhodnutí citelně zmírnit a vytvořit obsahově i formálně kompaktní strukturalistické dílo zásadního významu, které bude zásadním pramenem poznatků pro několik dalších generací seriózních zájemců o hluboké a všestranné poznání ruštiny od jejích pramenů až do jejího stavu ve druhé polovině 20. století; dílo, které ve svém oboru patrně dlouho nebude překonáno.

Jiří Gazda

Баранов, В. А.: *Формирование определительных категорий в истории русского языка*. Казань, Изд-во Казанского государственного университета, 2003, 390 с. ISBN 5–7464–0768–2

Настоящая монография посвящена исследованию определительных категорий в русском языке на материале служебных миней XI–XIV вв. Ее автором является доктор филологических наук Виктор Аркадьевич Баранов, профессор Удмуртского гос. университета в г. Ижевск. В центре его внимания – проблема становления имени прилагательного и субстан-

тивата как специализированных лексико-грамматических классов, а также проблема формирования группы определительных наречий в начальный письменный период.

Традиционно принято считать, что тексты конфессионального характера не подвергаются значительному лексическому и грамматическому изменению в процессе бытования. В *"Введении"* (с. 5–26), однако, напоминает, что древнейшие памятники церковно-книжного языка являются ценнейшим источником для изучения формирования норм русского языка. Практически в любой лингвистической работе, посвященной проблемам развития русского языка, в большей или меньшей мере привлекаются данные богослужебных рукописей; наиболее подробно изучены древнерусские евангельские рукописи, занимающие первое место по количеству дошедших до нашего времени экземпляров, далее служебные минеи, которые занимают второе место. Автором рецензируемой монографии подчеркивается недооценка этих текстов; изменения на всех уровнях в них происходили медленно, в силу священности жанра, являются показательными с точки зрения отражения в них активно развивающихся в русском языке грамматических категорий. Таким образом, исследование посвящено формирующимся в древнерусском языке грамматическим категориям имени прилагательного, субстантивата и наречия. Объектом анализа послужили формы нечленных и членных характеристик имен, функционирующие в древнейших славянских памятниках в качестве приемных и приглагольных определителей, а также в независимом употреблении. Особого внимания среди всех памятников (т. е. новгородских служебных миней XI–XIV вв.) заслуживает Путятина минея, древнейшая из всех сохранившихся русских миней, проявляющаяся в отражении архаичного состояния определительного звена морфологической системы. Помимо того, для исследования были привлечены также данные некоторых древнейших русских и старославянских рукописей.

Одним из центральных вопросов в исторической грамматике русского языка является становление имени прилагательного как особого лексикограмматического класса. Анализируемые тексты отражают грамматическую систему XI–XIV вв., т. е. периода, когда ее состав только формировался и как в частностях, так и в целом представлял иную, во многом отличающуюся от современной системы. В первой главе работы (*"Первичное нерасчлененное имя как категориальная синкрета"*, с. 27–77) рассматривается становление имени прилагательного как части речи и одновременно неразрывная с ним проблема возникновения и формирования существительных местоименного склонения – субстантиватов. Данную проблематику можно, однако, понять только в исторической перспективе. Поэтому значительное место в исследовании занимает восстановление дописьменного этапа развития определительных имен на основе имеющихся в сравнительно-историческом и типологическом языкознании данных, соотносимых с фактами старославянского и древнерусского языков. При этом автор основывается на положении, что древнерусский язык, в отличие от современного, синкретичен и синтагматичен. Под грамматической синкретой нужно понимать ряд форм, имеющих идентичный смысл и выполняющих в синтагме различную синтаксическую функцию. Синтагматический фактор был одним из основных факторов, определяющих и направляющих процесс дифференциации существительного и прилагательного. В настоящей главе подчеркивается факт, что исходной категорией для формирования субстантивов и имен прилагательных является нерасчлененное имя, грамматическая дифференциация которого началась в конце праславянского периода. В качестве первичных нерасчлененных имен выступали образования с суффиксами *-ън-* (для образования прилагательных) и *-ен-* (для образования причастий; в цслав. памятниках засвидетельствованы написания с *-ънъ-* вместо с *-н-*, видимо, вследствие смешения страдательных причастий на *-нъ* и прилагательных на *-нънъ*). Решается также вопрос о синкретизме притяжательных имен:

только в более позднее время в древнерусском языке происходит активизация родительного принадлежности (аналогичного греческому) и вытеснение атрибутивного прилагательного зависимым существительным.

Во второй главе („*Формирование категорий субстантивата и имени прилагательного в русском языке*“, с. 78–155) анализируется проблема возникновения членных форм в русском языке и функциональной значимости члена. Этот вопрос стал предметом большого количества специальных исследований. В настоящей главе толкуются мнения по поводу изучения членных и нечленных форм. Присоединение члена к имени произошло еще в доисторическую эпоху. Исходя из гипотезы В. М. Маркова о первоначальной субстанциональности членных образований, автор предлагаемой монографии констатирует, что исконно член осложнял не прилагательное, а синкретичное имя. Постепенно член стал средством формализации отношений между компонентами сочетания; член являлся грамматическим актуализатором отношений. Основу активного нарастания процесса образования членных адъективных форм можно усматривать в размежевании двух развивающихся категорий – категории субстантиватов и категории имен прилагательных. Далее здесь обращается внимание на то, что местоименные формы уже в древнейшую пору стали формами прилагательных по преимуществу и все более решительно вытесняли нечленные, краткие формы. На основании материала служебных миней, в которых от XI к XIV в. значительно возрастал процент употреблений членных форм, автор приходит к заключению, что процесс оформления прилагательного как части речи происходил в русском языке уже в дописьменный период. Подчеркивается также то обстоятельство, что на всем протяжении истории русского языка существовала отчетливая предикативность нечленной формы вне зависимости от позиции в противовес атрибутивности членной формы. Функционально-грамматическое обособление нечленных форм создало таким образом основу грамматикализации именного предиката. Далее описывается позиционное распределение именных и членных форм на материале, полученном из служебных миней. Проведенный автором анализ количественных данных об их употребительности в различных позициях показал, что традиционное представление о все большей прикрепленности членных форм к препозиции, именных – к постпозиции во многом не соответствует реальному положению дел в книжно-литературных текстах. При окончательной специализации адъективов, субстантиватов и предикативов важную роль стала играть глагольная связка. Наконец, автор приходит к выводу, что дифференциация нечленной синкреты на имя существительное (ср. *благо*), членное имя прилагательное (ср. *благое дьло*), субстантиват (ср. *благое*) и нечленный предикатив (ср. *благъ еси*) обусловлена взаимодействием разнородных факторов логико-понятийного, лексико-семантического, формально-грамматического, синтагматического, словообразовательного характера.

Свидетельством об окончательно сформировавшейся категории имени прилагательного является увеличение количества наречий в тексте и языке в целом. Этому посвящена третья глава („*Развитие приглагольных определителей как свидетельство формирования специализированных лексико-грамматических классов слов-атрибутов*“, с. 156–261), которая есть самой содержательной. В начале, в качестве предварительных замечаний, подчеркивается, что в истории русского языка наречие традиционно как категория, представляющая интерес в первую очередь с точки зрения словообразования. Затем представлены взгляды крупных ученых-лингвистов на происхождение наречий. После этого перечисляются имеющиеся вопросы, требующие еще своего осмысления. Изучив тексты служебных миней, автор регистрирует в них изменения употребительности наречий, а именно наречий на *-о* и *-ль*, представляющих наиболее активный и продуктивный способ их образования на базе имен-

ных форм прилагательных, далее наречий на *-ски*, возникших от формы тв. п. мн. ч. именного прилагательного с суффиксом *-ьск-* (ср. *латиньскы, русьскы, братьскы* ...). Если у первых наблюдается постепенное увеличение их числа, то у вторых количество их форм снижается. В настоящей главе разбирается подробно функциональная динамика выше приведенных наречных форм в исследуемых текстах служебных миней. Что касается форм типа *внутрь*, они понимаются учеными как результат существования и действия формальной модели, которая позволяет осознать такие образования не как именные, а как наречные формы. Причиной невозможности однозначно квалифицировать форму на *-ь* в древних текстах является ее разнообразная синтаксическая функция: образования выполняли функцию у приименного атрибута, и предиката, и приглагольного определения, а в ряде случаев и собственно синтаксического объекта или субъекта. На основании проанализированных текстов автор приходит к выводу, что старославянские и древнерусские образования на *-ь* следует возводить к первичным именам с широкой определительной семантикой, функционировавшим в первую очередь в качестве предикатов, а также приименных и приглагольных определителей. Он полагает, что словообразовательной базой этих форм на *-ь* послужили древние синкретичные имена, входящие в группу на *-i*. Таким образом, он считает неправильным вывод А. Мейе о том, что „прилагательные на *-i* были утрачены уже в общеславянский период“, поскольку они употреблялись как многофункциональные характеризующие имена, но модель была непродуктивна во многом в силу своей формальной неопределенности.

Одним из способов специализации первичных имен являлось осложнение их при помощи суффиксов с компонентом *-н-*. Довольно многочисленной группой производных имен на *-ь* была группа образований с суффиксом *-ьнь*, ср. *древальнь, оутрьнь* и под., и с суффиксом *-ьнъ*, ср. *изредьнъ, соугоубьнъ* и др. Генетическое родство этих суффиксов у ученых не вызывает сомнений. По мнению автора, двоякая соотношенность прилагательных – с производящими синкретичными именами на *-ь* и с производящими именами с твердой основой – явилась одной из причин функционирования суффиксов *-ьн-* и *-ин'* в сфере производных как с временным значением, так и с иным (ср. *окольніи* и *окольным*, *горьнии* и *горьным* и др.). Что касается образований с суффиксом на *-ьнь*, он встречался в первую очередь на русской почве только у членных форм. Однако чем ближе к XVII в., тем шире становится круг наречных основ этой сферы, охваченных суффиксом *-ьнь*. Автором этот факт связывается с тем, что данные формы на *-ьнь*, выражающие пространственное и временное значение, были продуктивны в говорах, далее с привлечением все большего количества разнообразных письменных источников, в которых параллельные исследуемые формы были зафиксированы.

Соотношенность с прилагательными как производящей базой для наречия, а тем более образование все новых наречий от прилагательных могло стать возможным только после окончательного формирования класса прилагательных как специально номинативного средства для выделившегося понятия о признаке. До того времени наречия производились от имен с широкой синкретичной семантикой, включающей в себя понятие о пространстве, и о времени, и о образе действия и т. д. Проведенное исследование позволило выявить еще один признак, по которому можно судить о степени сформированности категории имени прилагательного в русском языке – это активность использования в древнерусских текстах одноосновных именам прилагательным наречий. С установлением изменяемых классов слов источником пополнения наречий стали падежные формы субстантивированных и прономинализированных дейктических слов. На этом этапе и возникает такой способ образования наречий, как адвербиализация.

Вслед за каждой главой помещены „Выводы“ (ср. с. 76–77, 153–155, 257–261), в которых подытоживаются отдельные результаты исследования.

В „Заключении“ (с. 262–263) автор сжато и в обобщенном виде описывает рассматриваемую проблематику.

Следует содержательный список литературы („Литература“, с. 264–296) и словарей („Словари“, с. 297).

К работе присоединены три приложения („Данные о количестве определительных слов и их употреблений в текстах служебных миней“, с. 298–350; „Количественные данные о наречиях в старославянских и древнерусских рукописях /по данным словарей/“, с. 351–367; „Процедуры установления абсолютных и относительных количественных данных в больших объемах текстового и лексикографического материала“, с. 368–385).

Далее приводятся список источников („Источники“, с. 386–387), из которых взят материал для исследования, и список употребляемых сокращений („Сокращения“, с. 388–389). Содержание помещено в начале книги („Оглавление“, с. 3–4).

Проведенное исследование показало, что тексты богослужебного содержания являются не только полноценным источником для анализа языковых процессов, но и в ряде случаев незаменимыми вследствие своей жанровой природы. Автор уверен в том, что именно эти тексты были тем „полигоном“, на котором изменялись и развивались многие особенности русской грамматики. Принципиально важным является вывод автора о взаимообусловленном развитии в древнерусском языке всех определительных категорий, об их постоянном взаимодействии в процессе категориальной специализации.

Алеш Бранднер

Juraj Dolník, Eugénia Bajzíkóvá, Josef Mlacek, Elena Tomajková, Pavol Žigo: *Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny*. Filozofická fakulta Univerzity Komenského 1999, Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FIF UK, 165 s. (ISBN 80–85697–99–8)

Publikace *Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny* (dále jen *Princípy*) je programovým pokusem o nový prístup k lingvistike slovenštiny. Pokus o nové vidění lze dělat v podstatě dvojmým způsobem. Buď bez teoretických proklamací posouvat optiku problematiky jinak, než bylo dosud běžné, posouvat význam zavedených pojmů a v případě potřeby vytvořit nové a posléze sumarizovat teze či pojmenovat nové přístupy. Takový postup bývá často označen za nový či odlišný až po čase nebo po několika příbuzných studiích, kdy je již rozdíl v disciplíně patrný. Druhý způsob tkví ve vyhlášení nových obecných zásad, tezí či platformy předem, nastíní se, jak a čím se budou naplňovat, a začne se podle nich pracovat. Slovakistika se dala, jak se zdá, druhou z cest. V rámci výzkumného programu zaměřeného na principy stavby, vývoje a fungování slovenštiny autoři žádají, aby se „výskum slovenského jazyka výrazne posunul smerom k jeho explanačnolinguistic-kému uchopeniu. Vývin poznávania slovenčiny dospel k bodu, pri ktorom sa do pozornosti jazykovedcov čoraz naliehavejšie vtierajú otázky smerujúce k vysvetľovaniu opísaných prvkov, jednotiek a štruktúr. ... pojem explanácie zahŕňa vysvetľovanie na kvalitatívne odlišných rovinách.“ Další výzkum slovenštiny stojí před úkolem, aby se slovenština „systematicky skúmala z pozície explanačnej lingvistiky a aby sa vysvetľovanie neobmedzovalo len na vývody, pri ktorých vystačíme s empirickými zákonmi.“ Toto poznávání slovenštiny vyžaduje, aby „epizodické vysvetľovania jej stránok v rámci deskripcie prerástli do sústavného explanačne zameraného výskumu orientovaného na teoretické zákony. Cesta k systematickému explanačne zameranému uchopeniu